

и необходимости его раскопок. Продолжавшиеся более ста лет раскопки Херсонеса¹ привели к необходимости детально познакомиться с производящими районами Херсонеса в целях выяснения эконоимики полиса. В 1927—29 гг. были раскопаны укрепленные усадьбы Гераклеийского полуострова, пролившие свет на экономику античного Херсонеса. Очередной задачей должны быть раскопки Калос лимена. Они должны выявить античный город, лишенный средневековых напластований, и показать взаимодействие античной культуры с местной культурой поздних скифов на территории северо-западного побережья Крыма.

Проф. К. Э. Гриневич

О ДОСТОВЕРНОСТИ ИМЕНИ, ВЫБИТОГО НА СТАТЕРЕ БАЗИЛЕВСА АКИ

Статер базилевса Аки продолжает возбуждать большой интерес и все еще вызывает разноречивые мнения. Моя статья, посвященная находке второго из двух известных экземпляров², вызвала отклик московского нумизмата Л. П. Харко, выразившего сомнения не в территориальной локализации этого статера, а в достоверности выбитого на нем имени. Возражения Л. П. Харко по поводу появления на монете имени Аки кажутся мне недостаточно убедительными.

Прежде всего отмечу одну неточность, допущенную Л. П. Харко. Статер базилевса Аки и другие, подобные ему, но постепенно все более и более деградирующие подражания, называются Л. П. Харко «кавказскими». Давая им такое определение, мы вносим в вопросе локализации и происхождения этих статеров совершенно излишнюю неопределенность и расплывчатость, вынуждая интересующихся подобными монетами искать место их чеканки от Апшерона до Тамани. При наличии имеющихся в нашем распоряжении твердых данных о частых их находках на территории, соответствующей древней Колхиде, осложнять этого вопроса уже не следует, так как истинное происхождение этих монет настолько очевидно, что «предположение о несомненной чеканке этих статеров в III в. до н. э. в древней Колхиде» Л. П. Харко и сам признает «очень убедительным». Правильнее поэтому было бы называть все эти монеты грузинскими подражаниями или же колхскими статерами.

Основные же мои возражения Л. П. Харко касаются достоверности выбитого на статере имени базилевса Аки. От Шабуйе и до А. Н. Зографа имя Аки, как известно, сомнений не вызывало. Исключением в этом отношении являлся акад. С. А. Жебелев, предполагавший в этом имени вторую половину, оставшуюся от имени [ΣΑΥΜ]ΑΚΟΝ. Но и он в дальнейшем должен был отказаться от увлекшего его предположения и оставить свои сомнения неразрешенными. Предположение С. А. Жебелева было построено на вероятной изношенности монеты. Убедившись, однако, что следов повреждений на оригинале нет, он должен был признать это имя «загадочным»³, но отнюдь не вовсе недостоверным. Нигде более не встречая подтверждений о существовании на Боспоре такого царя и недоумевая по поводу самой формы имени, А. Н. Зограф сохранил «статеры Ака, несмотря на свои сомнения, еще в списке боспорских чеканок». «Во всяком случае,— говорит А. Н. Зограф,— безоговорочно вводить Ака в число боспорских царей (подчеркнуто мной.— Д. К.), да еще считать его представителем той же династии Спартокидов, мы имеем слишком мало оснований⁴. Как видно, эти сомнения относятся к существованию такого имени среди боспорских царей и далеко еще не являются доказательством того, что имя Аки вообще не существовало. Недоумение обоих исследователей следует объяснить недостаточностью находившегося в их распоряжении материала.

¹ К. Э. Гриневич. Сто лет херсонесских раскопок. 1827—1927, Севаст., 1927.

² ВДИ, 1948, № 1, стр. 150—155.

³ Акад. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 66—67, примеч. 3.

⁴ А. Н. Зограф, Античные монеты, ч. II, гл. XI, стр. 199 (неизданной рукописи).

Точка зрения Л. П. Харко не представляет собой совершенной новости и является лишь вариантом догадки акад. С. А. Жебелева, с той лишь разницей, что имя Савмака заменяется другим, неполное начертание которого объясняется уже не механической утратой нескольких начальных букв от потертости монеты, а небрежностью и малограмотностью мастера.

Разделяя мое мнение, что статер Аки является самым ранним представителем местных подражаний лисимаховским статерам, и, видимо, полагая, что колхские мастера не умели давать образцов высокого классического искусства, Л. П. Харко предупреждает читателя о том, что применительно к статерам Аки «мы имеем дело не с высококачественным образцом античной монетной глиптики»¹. Но напрасно он опускает другое мое утверждение — относительно высокого стиля художественного выполнения работы статера базилевса Аки: беспристрастный читатель сам будет судить по демонстрируемой Л. П. Харко таблице с изображениями монет², насколько уступает в этом отношении статер Аки сопоставляемым с ним боспорским и даже византийским аналогам.

Назвать мастера, резавшего штамп для нашего статера, небрежным, малограмотным или даже просто малоопытным не имеется никаких оснований: изображения обеих сторон монеты выполнены художественно и с высоким мастерством, а в надписи нигде не проявляется незнание мастера с греческим языком и алфавитом. Наоборот, — я сказал бы даже, что эта надпись, имеющая предельно отчетливые формы и традиционную для этого типа монет схему, показывает, что мастер отчетливо уяснил значение и смысл каждого слова в отдельности. Титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ, состоящий из 8 букв, помещенных с правой стороны монеты, по вертикали занимает 11 мм, а тщательность и расчет, с которыми мастер старался вмести́ть этот титул, не вызывает сомнений в том, что, будучи грамотным, он ясно сознавал значение и смысл вырезаемого слова. Что же могло произойти при вырезывании имени этого базилевса, допустим хотя бы ΔΙΣΙΜΑΧΟΝ, имеющего одним лишь знаком больше? Даже при условии перегоразивания строки фигурой Ники остается место, равное 12 мм, но дело в том, что о фигуре Ники тут не может быть и речи, так как препятствием для надписи, если она и могла быть таковой, является не она, а незаметная и незначительная ее деталь — протянутая рука Ники. Для того чтобы вырезать на монете самую важную и ответственную ее часть — имя базилевса, монетный мастер, конечно, не задумался бы шпаче расположить или даже вовсе убрать побочную деталь, протянутую руку Ники, т. е. распорядился бы примерно так же, как и с одним из важнейших атрибутов Афины — кошем, которого, как видно, нет и на парижском статере.

Важным моментом в начертании надписи является отчетливая форма и техника выполнения греческих букв, состоящих из прямых черточек с точками на концах, не вызывающих никаких сомнений в том, что буква К, например, это именно капша, а не хи или что-либо другое, и что проставлена она совершенно сознательно (это ясно видно и на таблице с изображениями монет в статье Л. П. Харко).

Решающим фактором в начертании имени базилевса следует признать и то обстоятельство, что это имя, обрываясь далеко не доходя до края монеты, заканчивается на большом от него расстоянии и в оставшийся промежуток свободно можно было бы вмести́ть еще 3 буквы. А если ко всему этому добавить, что широко расставленные 4 буквы имени занимают такое же место, как и 5 проставленных против него букв титула, и что все это должно было быть прекрасно учтено мастером, — то значение всех этих факторов приобретает уже силу неоспоримости. Наконец, совершенно непонятны некоторые противоречия в утверждениях Л. П. Харко: то на стр. 136, при сравнении тбилисского статера с париж-

¹ В конце той же статьи Л. П. Харко мы встретим другое его замечание, рассматривающее «статеры Ака» как самые ранние подражания, чрезвычайно близкие прототипу, но уже имеющие искажения (главным образом в надписях).

² В тексте статьи Л. П. Харко, к сожалению, отсутствуют необходимые ссылки на соответствующие номера изображений на таблице, но это некоторым образом компенсируется увеличенным размером этих изображений и несколько более удачным их воспроизведением в клише.

ским, допускается возможность их выполнения одним и тем же штампом, то дальше, на стр. 141, правда, со ссылкой на Н. П. Розанову, обращается внимание на различие в начертании буквы каппа.

Попытаюсь рассеять сомнения по этому поводу и укажу на признаки различия штампов обоих этих статеров: разный наклон щита, иной поворот головы Афины, не одинаковая толщина и длина ее правой руки, разный изгиб плеча, разные основания древка трезубца и т. д. Все это является доказательством ошибочности предположения Л. П. Харко: невероятно было бы полагать, что при изготовлении второго штампа мастер вторично допустил ту же ошибку или повторил ту же небрежность еще раз, одинаково искажал одно и то же имя.

Предложенное с самого же начала чтение АКОУ должно быть признано единственно правильной и вероятной греческой передачей местного имени Аки, я ныне распространенного по западной Грузии. Мне непонятна причина, которой руководствовался Л. П. Харко, совершенно игнорируя столь существенный и важный факт, аналогии которого в свое время совершенно основательно придавал огромное значение акад. С. А. Жебелев.

Подробно демонстрируемый процесс искажения имени Лисимаха и превращения его в «недостоверное» имя Аки Л. П. Харко сопоставляет с никем не оспариваемыми искажениями на статере из сел. Реке. Рассуждения Л. П. Харко о процессе искажения весьма не убедительны. Он пишет «Кавказский мастер п о в и д и м о м у делал это несколько иначе»... «матрицу, о ч е в и д н о, переворачивали вокруг своей оси». так было ему н а в е р н о удобнее работать». Такие «доказательства», говоря по правде, не внушают доверия.

Чтобы убедиться в том, что колхский мастер совсем не усложнил вопроса так, как это ему приписывается, обратимся к схемам, привлекаемым самим же Л. П. Харко. По с х е м е I, как он утверждает, «процесс гравирования надписи у мастера-грека осуществлялся следующим образом. В момент исполнения работы матрица штампа располагалась, конечно, так, что обе параллельные строки находились в горизонтальном положении, и мастер резал буквы справа налево в обратном их начертании, но по направлению чтения. Сначала он вырезывал верхнюю строку, затем таким же способом нижнюю. С х е м ы II, составленной для статера из сел. Реке, который привлекался мной в качестве значительно более поздней аналогии, я коснусь лишь поверхностно. Для установления достоверности имени Аки допустим даже, что безразлично, какое имя пытались на нем вырезать. Поэтому и способы, применяемые «согласно датировке А. П. Зографа, во второй четверти I в. до н. э.» (ссылка эта привлечена Л. П. Харко), в данный момент нас могут не интересовать. П о с х е м е ж е III, в отношении к монете, которую и сам Л. П. Харко датирует III в. до н. э., почему-то понадобилось матрицу «переворачивать вокруг своей оси» и вообще распространять на нее те же правила и навыки, к которым прибегали уже «во второй четверти I в. до н. э.» Проще было бы, однако, перевернуть не матрицу, а самый рисунок схемы III, расположив его и обе надписи в том же направлении, как и на схеме I. Тогда мы воочию убедимся, что приемы гравирования, применяемые колхским мастером III в. до н. э., несомненно, были такими же, как и у его греческого учителя.

Ошибочность предположения Л. П. Харко совершенно очевидна и потому, что копирование надписи, даже механическое, как известно, происходит не в обратном порядке, т. е. не с конца слова, а в обычном, с той лишь разницей, что слова вырезаются не слева направо, а наоборот и при этом каждой букве придается обратное начертание. Я специально интересовался этим вопросом и несколько раз посетил мастерские резчиков каучуковых штампов и печатей, граверов и литографов. Наблюдая за практическими приемами этих мастеров, я убедился в том, что во всех случаях они работали в указанном мною порядке, и, как курьез, иллюстрирующий надежность демонстрируемого мною процесса работы, укажу на случай, когда русский по происхождению мастер, совершенно незнакомый с грузинским языком и алфавитом, вырезал каждое слово справа налево, придавая буквам обратное начертание, и, таким образом, прибегал к способу так называемого зеркального письма.

Мастер, резавший штамп для нашего статера и проявивший, наряду с художественным опытом, знание греческого алфавита и языка, не стал бы усложнять своей работы, выворачивая сначала имя базилевса целиком, а затем и каждую букву в отдельности. Пусть читатель, желающий убедиться в справедливости моей мысли, попытается без участия карандаша и бумаги, представить свое имя и фамилию написанными в обратном порядке, — он воочию убедится, что это не так уж просто. Как каждый из нас, имеющий хотя бы отдаленное представление о способах и навыках изготовления негативных штампов, так и мастер, резавший штамп для нашей монеты, обратился бы к способу зеркального письма и, начав с первых букв имени, поместил бы их справа налево, ниже руки повернутого изображения богини. А применив эти укоренившиеся методы, даже в случае недостатка места, выводя имя Лисимаха, он получил бы первую его половину, т. е. ΛΙΣΙ, по отпуюю не его вторую половину.

Заманчиво было, конечно, привлечь в качестве «прекрасной аналогии» замечательный статер из сел. Реке, но тут заметно не только искажение имени, но и полное извращение титула, а также и огрубление изображений. Кроме того, не следует упускать из виду, что отвергать гипотезу о существовании царя с таким именем «монета № 6, чеканенная в 1-й четверти I в. до н. э.», не дает права на том простом основании, что имя это впервые появилось за полтора-два столетия до изготовления привлекаемой аналогии на несравненно с большим мастерством, искусством и знанием дела изготовленной монете (к датировке монет, изображения которых помещены на таблице, сопровождающей статью Л. П. Харко, присоединяюсь и я). Статер из сел. Реке типологически принадлежит статерам Лисимаха и Аки, но по техническим, художественным и прочим своим достоинствам значительно им уступает, не сравним с ними и стоит уже в последующих рядах все более и более грубеющих типичных подражаний.

В связи со всем этим значительно теряют свою доказательность и остальные доводы Л. П. Харко относительно существенных различий — иконографических и по содержанию надписей и монограмм; непонятным становится, например, — почему «боспорские мастера творчески перерабатывали лисимаховский прототип, а кавказские просто копировали его» и т. п.

Таким образом, после критической проверки и проработки вопроса о достоверности имени, выбитого на разбираемом нами статере, я пришел к выводу, что без приведения более конкретных и убедительных доказательств точку зрения Л. П. Харко нельзя считать приемлемой. Отметив допущенные им неправильности, я теперь еще тверже стою за сохранение чтения имени в том виде, как оно толковалось нашими предшественниками, но, в отличие от них, на основании продолжающих поступать дополнительных данных, отождествляю его с именем колхского базилевса Аки. Пусть дошедшие до нас памятники цока и не оставили нам никаких сведений об этом Аки, времени его царствования, личности, заслугах и пр. Мало разве исторических имен, ставших известными лишь по монетам?

Удовлетворимся пока тем, что имя это не исчезло со страниц отечественной истории, а обсуждаемый «спорный», но во всех отношениях крайне интересный статер, наконец, найдет свое подлинное место в общей классификации античных монет и украсит собой все более и более расширяющуюся серию монет древней Колхиды.

В частности, крайне интересна и, несомненно, не лишена значения справка научн. сотрудника Института истории им. акад. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР Э. В. Анчабадзе, любезно давшего согласие воспользоваться ею. Текст этой справки привожу без изменения: «В западной Грузии, в частности в Абхазии, засвидетельствовано немало топонимических и ономастических фактов, имеющих в своей основе форму «ак». К их числу принадлежит также абхазское название гор. Сухуми «Акуа».

До последнего времени это слово не поддавалось этимологическому осмыслению, но теперь, в связи с установлением на основе пумизматических данных (см. статью Д. Капанадзе в ВДИ, 1948, № 1) палиция в III в. до н. э. колхидского царя по имени Аки, создается возможность дать наиболее приемлемую этимологию топонимического термина «Акуа» с помощью абхазских морфологических норм.

Дело в том, что наряду с двумя обычными формами множественного числа, употребляемыми в абхазском языке: «куа» для имен так наз. «неразумного класса» и

«цшва» — для имен «разумного класса», имеется слово «аю» — «человек», которое во множественном числе принимает форму «ауаа» — «люди». Слово «ауаа», соединяясь с другими словами в композиты в качестве второй составной части последних, теряет начальную и конечную гласные и принимает форму «уа». Причем, первая составная часть такого композита также теряет свою конечную гласную.

Например: «апсы» — «душа» совместно с «ауаа» — «люди» дает композит «апсуа» — «люди души» (самопазвание абхазов).

Совершенно аналогично образуется и композит «Акуа»: «Аки» + «ауаа» = «Акуа», что на русский язык может быть переведено так: «люди Аки», или более пространственный перевод: «место, где пребывают люди Аки».

Если вспомнить, что район нынешнего Сухуми — это наиболее вероятное местоположение античного города Диоскурия — Севастополис, то допустимо предположить, что Акуа = Сухуми в древности был либо столицей колхидского царя Аки, либо местопребыванием его наместника.

Если предположенная нами этимология термина Акуа окажется справедливой, то уточняется также фонетическая форма собственного имени Аки.

Д. Капанадзе